

Т.А. ЕФИМОВА

НИЖЕГОРОДСКАЯ АТЛАНТИДА. ЛИТЕРАТУРНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НГПУ*НГПУ им. К. МИНИНА*

Сообщение о литературном краеведении названо в память о профессоре НГПУ В.В. Харчеве, авторе книги, ставшей уже библиографической редкостью, «Нижегородская Атлантида».

В фондах библиотеки НГПУ хранятся интересные издания, представляющие творчество известных и забытых писателей-нижегородцев.

В 2011 году исполнилось 200 лет Царскосельскому Александровскому лицей. И материал статьи «Нижегородская Атлантида» должен включать сведения об изданиях о пребывании А.С. Пушкина в Н.Новгороде и на Нижегородской земле.

Первая публикация о болдинском имении А.С. Пушкина появилась в печати в 1912 г. Автор – *А.И.Звездин*. Он собрал воспоминания крестьян, которые могли помнить приезды Пушкина в Болдино.

Современное состояние Болдина, превращение его в поэтическую Мекку, во многом обязано удивительной женщине Юдифи Израилевне Левиной. Если Семена Степановича Гейченко называли добрым домовым Михайловского, то настоящей хранительницей Болдино была в течение многих лет Ю.С. Левина. Ей принадлежат книги: «Пушкинское Болдино», «Обитель дальняя трудов», статьи в «Записках краеведов».

Об этой удивительной женщине можно прочитать в очерке Ал. Цирульников «Болдинская Юдифь» («Записки краеведов». – Н.Новгород : Книги, 2008).

Из изданий, посвященных феномену Болдинской осени, отметим сборники «Болдинских чтений», научную монографию профессора Н.М. Фортунатова «Филологический детектив», «Пушкин: загадки болдинской осени» и книгу кандидата филологических наук, журналиста В. Белоноговой «Болдинский ключ. С Болдиным и без него».

Вспомним слова А.С. Пушкина из «Повестей Белкина»:

«Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание».

Может быть, именно такой барышней была и *Мария Семеновна Жукова* (1805-1855), автор романтических повестей. Сохранился ее портрет кисти Ф. Бурже, а сведений о жизни мало. Рано была выдана замуж, рано овдовела.

Не было в ее жизни ни шумных успехов в свете, ни большой любви, скромность не позволила ей оставить о себе ни дневника, ни записок, ни жизнеописания. Писать она начала в начале 30-х годов XIX века. Литература ей заменила то, чего недоставало в действительности, – интересную жизнь. В ее книгах бушуют страсти. Любовь ставит ее героев перед выбором. Из повести в повесть повторяется ситуация: юная с романтическими наклонностями жена, ищущая любви и внимания, духовного единения, и немолодой «слишком материальный, слишком привязанный к прозаической стороне жизни муж, не понимающий сердца жены. «Барон Рейхман», «Инок», «Медальон», «Немая, или Записки отшельника» не говорят о чувственной любви. «Душа, любовь, поэзия! Нет, где нет поэзии, нет и любви. Там любовь самозванец, чувство, унижающее человека». Но М. Жукова, в отличие от своей знаменитой современницы Жорж Санд, не проповедует и свободной любви. Ее героини всегда останавливаются у опасной черты разрыва, вспоминая о детях, долге, чести семьи. Лучшие произведения М. Жуковой вошли в книгу «Вечера в Карповке». В.Г. Белинский тепло отозвался о произведениях молодой писательницы, отметив ее талант изъясняться «живым языком сердца».

В самом начале 50-х годов XIX столетия на небосклоне российской литературы появилось новое имя – *Михаила Васильевича Авдеева*. Блестящим выпускником военного корпуса инженеров путей сообщения он прибыл в Нижний. Позднее сам Авдеев вспоминал: «Я провел в Нижнем шесть лет молодости и сохранил одно из самых приятных воспоминаний о радушии и гостеприимстве его общества. Но общество это не очень велико и состоит преимущественно из людей служащих». Нижегородцы же о нем говорили так: «Отличается саркастическим умом, довольно безобразной наружностью и добрым сердцем. Галантный кавалер, прекрасно говорит по-французски, остроумен. Его слабость – нравиться женщинам». В Н.Новгороде Авдеев знакомится с В.И. Далем, А. Мельниковым-Печерским. Последний привлекает Авдеева к писанию статей в «Нижегородские губернские ведомости». А уже через два года, в 1849 году, Авдеев посылает в «Современник» первую свою повесть «Варенька» – первую часть самого большого своего романа «Тамарин». Повесть была тепло принята и критикой и читателями, особенно нижегородскими. Многие сразу же отметили сходство повести с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Это не отрицал и сам автор. Он отмечал, что Лермонтов поставил Печорина в каком-то поэтическом полусвете, который придал ему ложную грандиозность. Современники стали рядиться в него. «Показать обществу и человеку, как они добродушно обманывались, и показать разоблачение этого обмана – вот в чем была моя задача», – писал Авдеев. Работая над трилогией, Авдеев старался идти след в след за Лермонтовым. Он ввел в повествование рассказчика, столь же простодушного, как и Максим Максимыч – Ивана Васильевича Попова, помещика села Редькино, использовал форму дневника героя.

В своих очерках «Поездка на кумыс» Авдеев отдал должное красоте Нижнего: «Нижний стоит на горе, омываемый с одной стороны Окой, с другой – Волгой; вид на эту гору, усеянную зданиями, а особенно на Кремль, которого старинная зубчатая стена ползет по горе, глядясь с двух сторон в реки и окру-

женная бульварами, прекрасен... Вообще местоположение Нижнего Новгорода одно из самых счастливых и живописнейших».

В 50-е годы XIX века Н.Новгород наряду с Петербургом и Москвой стал одним из центров так называемой «натуральной школы». «Натуральная школа» – понятие условное, утвердившееся благодаря В.Г. Белинскому. Оно связывалось с безыскусственным правдивым изображением действительности. Характерной особенностью таких произведений была деромантизация. Главой натуральной школы в Нижнем стал В.И. Даль. В Нижнем им написаны рассказы «Мертвое тело», «Двухаршинный нос», «Хлебное дельце». Подготовлены к печати его «Пословицы русского народа» и под псевдонимом Русопят составлен сборник эротических пословиц «Русские заветные пословицы и поговорки», не напечатанный по цензурным соображениям.

В Нижнем Даль выступает и как литературный крестный молодых литераторов. Одним из них был М.И. Михайлов. История знакомства с Далем началась как история талантливого врача, вернувшего зрение полуслепому ребенку. Этим мальчиком и был Михайлов. М.И. Михайлов служил в Нижнем в Соляном приказе. Ранее писал стихи, а в Нижнем работает над прозой. В 1859-1860 гг. выходит двухтомник «В провинции», включивший в себя массу нижегородского материала.

«Адам Адамыч» – повесть о бедном учителе в семье помещика Желнобоба в городе Забубеньеве. Михайлов описывает целую галерею малосимпатичных уездных жителей. Сам помещик, его глупый сын – хлыщ Петенька, покровительница талантов мадам Дроздовская, на фоне людей без затылка, но с тугим брюшком и множеством золотых печаток Адам Адамыч выглядит сущим ребенком. Незадачливый поэт поражен в самое сердце издевательствами над своими поэтическими опытами, с горя он запивает и умирает от обиды и унижения. Другая нижегородская повесть «Кружевница» рассказывает историю соблазненной и покинутой кружевницы Саши. Она сама знает, что ее ждет. И обман барина с Суры не удивляет ее « Ну что ж? Была радость – и за то спасибо! А нет ее, и с горем жить станем». Действие привязано к Нижнему. Это и Покровская, куда Саша носит заказы, и знакомство на Черном пруду, свидание на Ямской. А героями романа «Перелетные птицы» стали актеры и актрисы нижегородского театра.

В книге «Старый Нижний» авторы Юрий Адрианов и Валерий Шамшурин приводят любопытный факт. Исследователи подсчитали, что **П.И.Мельников-Печерский** – один из самых читаемых в XXI веке прозаиков XIX века. Весь мир тогдашней России воссоздан в художественном пространстве одного края – земли Нижегородской. Это прежде всего его романы «В лесах» и «На горах». Диалогия Мельникова настоящая энциклопедия русской жизни. Но и его ранняя проза «Старые годы», «Красильниковы», «Именной пирог», «Поярков» связаны и Нижегородским краем. Кроме романов, Мельников-Печерский был известен как журналист. Редактор «Нижегородских ведомостей», ввел в них неофициальную часть. Павел Иванович был одним из зачинателей научного краеведения. Ему принадлежат статьи о протопопе Аввакуме, Александре Невском, Нижегородском княжестве, о Нижегородской ярмарке.

Писатель Мельников-Печерский воспевал в романах мир старообрядчества, а крупный чиновник Мельников в 1848 году увез из Шарпанского скита чудотворную икону Казанской Божией Матери, закрыл шесть скитов из 16.

Он гнал любовь,
Но снова ощущал,
Что сходит миг той светлой благодати,
Когда не может не писать писатель!
И ревностный чиновник умирал.
И сразу с первой вспыхнувшей строки
Плыл Керженец, седой и озаренный,
И снова вспоминался скит спаленный,
Когда в камине тлели угольки...

Ю. Адрианов.

«Кот Мурлыка» – псевдоним **Николая Петровича Вагнера**, профессора зоологии Петербургского университета. Он работал некоторое время в Александровском дворянском институте Н.Новгорода. Его знаменитые философские сказки создавались именно в Н.Новгороде. В своих воспоминаниях Вагнер писал, что по совету преподавателя Дворянского института он прочитал нашу-мевшую «Обыкновенную историю» И.А. Гончарова. История противостояния Петра Ивановича Адуева, рационалиста и прагматика и его племянника Александра Адуева, романтического юноши вначале Вагнеру не понравилась. Но в его сказках взаимоотношения разума и чувства в человеке – центральная тема. Побеждает то сухой безжалостный расчет, то любящее доброе сердце.

10 лет пробыл в Нижнем Новгороде **Владимир Галактионович Короленко**. Он много писал статей о проблемах Нижнего, участвовал в просветительских обществах, работе Архивной комиссии. Много работал в «Нижегородском листке». К произведениям, отражающим Нижегородский край, относятся: «За иконой», «На затмении», «Река играет», «В обычный день», «В пустынных местах», «На Волге», «Смиренные», «В голодный год», «Павловские очерки», «Художник Алымов», «Судьбина», «Арзамасская муза» о создателе школы живописи Ступине, «Сон», «Грезы», посвященные краеведу А.С. Гацисскому.

Павел Дмитриевич Боборыкин. Ему мы обязаны введением в наш лексикон слова «интеллигенция». Оставил о Нижнем замечательный роман «В путь-дорогу» о гимназических и студенческих годах, «Русский Шеффилд» (очерки села Павлово), роман «Василий Теркин» о просвещенном нижегородском купце. В эмиграции им написаны воспоминания «За полвека», в которых он рассказал и о встречах с В.И. Далем.

«Боборыкин – добросовестный труженик, его романы дают большой материал для изучения эпохи. Этого не следует забывать», – справедливо оценил творчество этого писателя А.И. Куприн.

В советском литературоведении роман был оценен однозначно, как первое произведение, открыто защищающее буржуазный класс, его идеологию, его

культуротрегерскую миссию. Сейчас этот роман стал библиографической редкостью, а многие его страницы звучат современно. Уже в экспозиции романа главный герой, беседуя с писателем Борисом Петровичем (прообраз писателя Г.И. Успенского), отмечает, что тот не боится показать правду о мужике, не согласен его медом обмазывать. Тем более что «всюду осатанелость забралась в мужика, распутство, алчность, измена земле, пашне, лугу, реке, всему, чем душа крестьянская жива есть». Однако и о «господине купоне», как источнике разврата говорить рано. «До купона-то мужику ох как далеко. От нищенства и пропойства надо ему уйти первым делом. И не встанет он никогда на ноги, пока не будет у него своего закона, который бы все его крестьянское естество захватил». Герой – подкидыш, а станет одним из главных воротил Поволжья, начнет борьбу с обмелением Волги. С беспощадной вырубкой лесов, ради сиюминутного обогащения, вложит миллионы в спасение судоходности Волги. А для этого нужны деньги и деньги большие. Василий Теркин чувствует себя хозяином Волги.

Купеческий расчет не сделал из него бездушного эгоиста. В его жизни встречаются люди, для которых важно жалость иметь ко всему живому.

Для специалистов интересно сравнение романа Боборыкина с романом М. Горького «Фома Гордеев».

Константин Николаевич Леонтьев – философ, писатель, литературный критик (1831-1891). Жизнь его полна крутых поворотов: кадетский корпус, медицинский факультет университета, участие в Крымской войне, дипломатическая служба на Ближнем Востоке, жизнь в Оптиной пустыни, пострижение в монахи.

В 1859 году Леонтьев был определен врачом в Арзамасский уезд. Именно в это время им были написаны романы «Подлипки» и «В своем краю».

Евгений Николаевич Чириков. В настоящее время имя этого писателя вновь открывают для себя современные читатели. В начале XX века его пьеса ставилась на сцене МХАТа, писатель был активным участником объединения писателей «Знание». В Н.Новгород Чириков приехал впервые в 1887 году в ссылку за участие в студенческих беспорядках в Казанском университете. Большое влияние на творчество Чирикова оказал М.Горький, в сборниках издательства «Знание» были напечатаны следующие произведения Е.Н. Чирикова: «На поруках», «Еврей», «Иван Мироныч», «Товарищ» и другие. Шутливую оценку своим коллегам по группе «Знание» дал Горький в письме к Чирикову: «Ты, Андреев, я и Поссе – мы вчетвером могли бы здоровенный журналичко создать, – ты как думаешь? Володя (Поссе) – за кучера, в корню – изящный вороной беллетрист Леонидище (Андреев), ты – правая пристяжная – на два фланга, и по беллетристике и по публицистике, а я бы – левая». Были известны его «Цветы воспоминаний», сборник рассказов о Первой мировой войне «Эхо войны».

Иван Сергеевич Рукавишников (1877-1930), выходец из знаменитой династии купцов и предпринимателей-миллионеров. Вступив на литературное поприще в пору расцвета Серебряного века, он не присоединился ни к символистам, ни к акмеистам, обратился к мало распространенным в русской литера-

туре твердым формам: писал верлибры, триолеты, стихи в виде меча, чаши, креста, треугольника. Купеческий декаданс в полной мере проявился в трилогии «Проклятый род», которая может и сейчас отпугнуть читателя вседозволенностью, размытостью границ добра и зла. Три романа входят в это произведение: «Семья железного старика», «Макаровичи», « На путях смерти». После революции Рукавишников руководил московским Дворцом искусств, не боялся заступаться за молодых авторов (Петр Орешин). Утверждал, что «наша конечная цель – свобода. Идеи коммунизма не нужны лакеи коммунизма. Поэты – выразители свободы».

80-е годы XIX в. до 900-х годов XX в. принято считать *Короленковским периодом* в литературной жизни Нижнего Новгорода. Уже давно стал библиографической редкостью очерк Александра Свободова «В Нижнем Новгороде на заре XX века», опубликованный в «Краеведческом сборнике» (1924, № 1). К «литературному гнезду» данного периода можно отнести творчество поэта Леонида Григорьевича Граве. Его сборник стихотворений вышел в свет в 1892 году. Кроме литературы, он занимался адвокатурой. Его талант юриста высоко ценил Плевако. Наиболее точная оценка его поэтического творчества дана в очерке Ч. Ветринского «Место Граве в русской литературе, конечно, очень скромное, за спинами Майкова, Фета, Полонского. Это запоздалый романтик-пессимист, напоминающий Н. Ленау и сближающийся с музой Тургенева и Тютчева». Сущность его поэзии определяли как поэзию мгновений «светлых грез и горьких слез»:

Наша жизнь – одно мгновенье,
И печаль, и наслажденье,
Призрак роковой –
День наш тихо догорает,
Ночь немая одевает
Небо черной мглой.

В своем стихотворении «Два века» он писал:

Я в строгую эпоху реализма
Поклонником являюсь классицизма.
Люблю тебя, волшебный чудный век
Поэзии, искусства и свободы,
Когда с горячей верой человек
Внимал глаголам матери природы,
Когда везде – и в стройном шуме рек,
И в блеске звезд, и в громах непогод
Живую мысль умел он постигать
И в пламенных созданьях выражать.

А. Д. Мысовская прожила в Н.Новгороде почти 40 лет. Первые ее стихи были напечатаны в «Отечественных записках» Некрасовым. Ее переводческий талант высоко ценил А.Н. Островский, собираясь вместе осуществить новый перевод пьес Мольера. «Вы превосходно пишете стихи, после смерти

А.К. Толстого никто не владеет русским стихом как Вы. Надо этому таланту дать средства показать себя». В отличие от многих ее современниц ее творчество было склонно более всего к сатире, а не к лирике. Басни, сатиры, комедия, например, басня, высмеивающая воровство одного из заправил банка Панюткина.

Мысовская фактически открыла для русского читателя творчество Альфреда Мюссе.

Несмотря на несколько эксцентрический характер, «...называют меня эксцентричной: говорят, я странна и резка...», Мысовская обладала отзывчивым сердцем, умела объединить вокруг себя нижегородскую интеллигенцию. Ее еженедельные пятницы и субботы превратились в нижегородский литературный салон. «Часто вспоминаю Вас и Ваши вечера в доме на Тихоновской. Продолжаются ли они, и есть ли новые посетители?» – пишет ей в письме В.Г. Короленко. Воспитанная на классической отечественной литературе А.Д. Мысовская не могла принять ни символистов, ни декадентов. По ее мнению, их пером водит «идиотизм или сумасшествие», видела в декадентской литературе стремление увековечить себя хотя бы безобразием:

Запросы, мнения теперь другие стали,
И даже в творчестве другой явился склад;
Там нынче прежде красоты и правды мы искали,
А нынче нас влечет уродство и разврат.

«Современность»

Несколько лет назад на фасаде здания НГПУ появилась мемориальная доска, сообщающая, что в этом здании, бывшей губернской гимназии учился русский философ и писатель **Василий Васильевич Розанов**. «Литературный дар его был изумителен, самый большой в русской прозе» – это характеристика Н.А. Бердяева. Для А. Ремизова он философ превыше Ницше, мастер природной русской речи. В 1918 году, за год до смерти, Розанов оставил план своих сочинений в 50 томах. Всего же в настоящее время издано не более одной восьмой части. Его творчество только начинает входить в нашу действительность.

В.В. Розанов родился в 1856 году в Ветлуге. «Детство мое прошло на берегах Волги» (очерк «Русский Нил»). В Нижнем Розанов провел шесть гимназических лет. Жил в квартире своего старшего брата. В гимназии Розанов пережил свою первую любовь «Уединенное». Леля Олсуфьева, сестра его гимназического товарища. И как ему хотелось умереть, когда он узнал, что предмет его любви считает, что Розанов плохо влияет на брата. Был в седьмом классе роман с учительницей музыки Юлией Каменской, с которой читали Монтескье и Бенгтама. Эту «чистейшую девушку» Розанов помнил всю жизнь. По вечерам гимназисты выходили гулять на Большую Покровку, катались на коньках на Черном пруду. Но главным его занятием было чтение. Пушкина почти не читали, зато Некрасова знали наизусть, властителем дум был «странно могущественный человек» Добролюбов. Более всего привлекали философские труды,

политическая история. Вообще из гимназического курса Розанов вынес мнение, что перенасыщенность книжными впечатлениями есть недостаток. Ратовал за принцип непосредственных созерцаний. Он, к примеру, сетовал, что в конце августа и сентябре, когда начинаются занятия, ученики не видят пору лесного увядания, осенней красоты. «Может быть, оранжевый лес в детстве спасет его в старости от уныния, тоски и отчаяния. Спасет от безбожия в юности. Спасет отрока от самоубийства».

Розанов видел в гимназическом образовании только отрицательные черты, считал, что расцвет просвещения возможен только в условиях свободы, при тесном внутреннем общении, когда есть избранный учитель и свободно избирающий его ученик. И еще Розанов считал, что в гимназиях не дают развития «мечте своей родины». У англичан есть старая Англия, у французов – прекрасная Франция, у немцев «наш старый Фриц», у прошедшего русскую гимназию – «проклятая Россия». Отсюда презрение ко всему русскому. Прочитав Бокля, Розанов выбрал себе английское имя Вильям. На всю жизнь Розанов запомнил, как его старший брат, услышав хулу в адрес родины, сказал ему: « Дурак. Хоть бы ты подумал, что произносишь свои подлые слова о России на том языке, которому тебя научили отец и мать». Великим отмщением за гимназистов Розанов называл свою книгу «Сумерки просвещения» (1899). Великим отмщением за женщин и семью – книгу «Семейный вопрос в России» (1903). В очерке «Иван Ляпунов» Розанов оставил свои воспоминания о встрече с роковой для него женщиной Аполлинарией Суловой, с которой познакомился в Нижнем в 1876 году. «В конце концов, эта любовь кончилась бесконечным несчастьем, многолетним унынием, помрачением ума, совести, всего». Лишь в 1891 году Розанов обретает семью и дом, встретив Варвару Дмитриевну Рудневу. Однако Сулова не соглашалась на развод, и дети Розанова считались незаконнорожденными. Из детства, ошибок юности родились слова из его книги «Апокалипсис нашего времени». В «Советах юношеству» Розанов писал: «Никогда не лги, в совести и в главном не лги. Не будь хулиганом. Будь крепок духом. Стой на своих ногах. И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо».

Серебряный век представлен в литературных перекрестках Нижнего творчеством Б.А. Садовского. *Борис Александрович Садовской* впервые предстал перед читателями и как поэт, и как прозаик: «Узор чугунный», «Самовар». В 35 лет с Садовским случилась катастрофа. Его разбил паралич. Но писатель оказался человеком большого мужества «Есмь ли я умершее для жизни зерно или погибшая душа, заживо обреченная геене? Катарсис ли все это или только смерть», – писал он в письме к А.Белому. Он читал лекции в Нижегородском университете и педагогическом институте. Получил звание красного профессора. В 1929 году перебирается в Москву и живет в трапезной Новодевичьего монастыря до 1952 года. Он много пишет, но после 1917 года выходят в свет только два его произведения «Морозные узоры» и роман «Приключения Карла Вебера». Во время странствий по редакциям потерялись романы «Современник», «Первое марта», пьеса «Федор Кузьмич». Уже в 90-е годы XX века вы-

шел в свет его роман о Лермонтове «Пшеницы и плевелы», записки о Серебряном веке. И практически во всех его произведениях сталкиваешься с нижегородским.

«Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со своей родной страной».

Д.С.Лихачев.